

УДК 165

НАРРАТИВНАЯ ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЯ

П. А. Бутаков

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
pavelbutakov@academ.org

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, какого рода знание может передаваться посредством историй помимо их явного пропозиционального содержания. В контексте постепенного перехода от редукционизма к антиредукционизму выделяются четыре возможных типа ответов: 1) никакое; 2) структура знания (например, по степени важности или правдоподобности); 3) неявное пропозициональное знание (например, причинно-следственные связи событий или выводы от частного к общему); 4) непропозициональное знание (например, знание личностей или перспектив). Данная классификация предлагается в качестве дорожной карты для дальнейших исследований нарративного знания, а также изучения того, в какой мере искусственный интеллект способен извлекать знание из нарратива.

Ключевые слова: нарратив, передача знания, искусственный интеллект, редукционизм, антиредукционизм, непропозициональное знание.

Для цитирования: Бутаков, П. А. (2024). Нарративная передача знания. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 12-23. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.12-23

NARRATIVE TRANSMISSION OF KNOWLEDGE

P. A. Butakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
pavelbutakov@academ.org

Abstract. What kind of knowledge can narratives transmit beyond their explicit propositional content? An extreme reductionist would argue that no additional knowledge is transmitted. A moderate reductionist might suggest that narratives can impart an additional structure to the knowledge, such as emphasizing importance or plausibility. In contrast, a moderate non-reductionist would assert that narratives contain non-explicit propositional content, including causal relationships between events and generalizations. Finally, an extreme non-reductionist would see stories as a means to transmit non-propositional knowledge, most prominently, knowledge of persons and personal perspectives. This categorization aids in understanding which aspects of narrative knowledge could be accessible to artificial intelligence.

Keywords: narrative, transmission of knowledge, artificial intelligence, reductionism, non-reductionism, non-propositional knowledge.

For citation: Butakov, P. A. (2024). Narrative Transmission of Knowledge. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 12-23. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.12-23

Введение

Одним из важнейших источников, откуда мы узнаем что-то новое, служат рассказанные нам истории. Но что именно мы приобретаем посредством историй? Как минимум, информацию – набор пропозиций, описывающих положение дел в окружающем или вымышленном мире. Но сводится ли все почерпнутое из историй лишь к информации или же истории дают нам что-то еще?

В данной статье приводится спектр возможных ответов на вопрос о содержании передаваемого историями знания в рамках аналитической эпистемологии. Цель данной работы – разработать дорожную карту, разметить территорию, на которой аналитические эпистемологи смогут вести конкретизированную и содержательную философскую дискуссию о природе нарративного знания. Спектр возможных ответов располагается между двумя крайними позициями: с одной стороны, радикального редукционизма, настаивающего на стопроцентной сводимости познавательного содержания историй лишь к набору пропозиций, и, с другой стороны, радикального антиредукционизма, предполагающего дополнительную передачу некоего особого вида знания, не выразимого пропозициями. Защита какой-то одной из возможных позиций по данному вопросу не входит в задачи данной работы.

Терминология

Прежде чем перейти к основной части статьи, необходимо прояснить используемую в ней терминологию: уточнить значение распространенных терминов и ввести новые. На сегодняшний день в аналитической эпистемологии, в отличие от континентальной философии и некоторых нефилософских дисциплин, пока не существует общепризнанных теорий о природе нарратива и нарративного знания. В связи с этим я возьму на себя смелость самостоятельно задать значения нужных мне терминов без оглядки на уважаемые нарратологические концепции, не имеющие прямого отношения к эпистемологической проблематике.

Под словом «нарратив» я понимаю обычную историю, в которой есть хотя бы одно действующее лицо и диахроническая последовательность происходящих с ним событий. Эта история может быть реальной или вымышленной, может иметь или не иметь конкретного автора, может быть устной, письменной или визуальной (кино, театр, комиксы, танец и т. д.), и в ней может как присутствовать, так и отсутствовать полноценный сюжет с завязкой, развитием и финалом.

Термин «знание» я использую в достаточно широком смысле, пытаюсь охватить весь разброс значений, которое слово «знать» имеет в быденном языке. Такой подход вполне типичен для аналитической традиции, учитывающей не только знание как пропозициональную установку – «оправданную истинную веру» [Gettier, 1963], – но и, например, «знание-знакомство» [Russell, 1910] и «знание как» [Ryle, 1949]. Более того, если ограничить область знания лишь оправданной верой в истинные пропозиции, то интересующее нас знание, полученное из историй, как и всякое другое знание по определению будет лишь пропозициональным. В этом случае данная работа потеряет всякий смысл, поскольку не останется никакого спектра возможных ответов на вопрос о том, насколько такое знание редуцируется до пропозиционального.

Теперь, определившись со значениями «нарратива» и «знания», можно перейти к определению «нарративного знания»:

нарративное знание – это знание, полученное посредством восприятия нарратива.

Наверное, здесь стоит обратить внимание на то, что в других дисциплинах и областях философии термин «нарративное знание» имеет другие значения, которые, во-первых, существенно отличаются друг от друга и, во-вторых, применяются для решения совсем других задач. Я призываю тех читателей, которые привыкли к другим определениям нарративного знания, временно отложить их в сторону и руководствоваться вышеприведенным.

Наконец, для удобства изложения мне понадобится ввести еще два технических термина: «реферативное знание» и «нарративный бонус». Для этого я предлагаю рассмотреть следующую гипотетическую историю, навеянную известным мысленным экспериментом «Комната Мэри» [Jackson, 1986].

Даша, студентка философского факультета, услышала на лекции по метафизике времени загадочное выражение «эффект бабочки». Тут же, поискав в интернете, она обнаружила, что это выражение как-то связано с рассказом Рэя Брэдбери «И грянул гром». «Вечером прочитаю», – второпях решила Даша. Но ближе к вечеру она засомневалась: «Зачем мне читать весь оригинал? Не проще ли скачать краткий пересказ?» В мире Даши существует доступный онлайн-сервис «Нарраторефератор», который с помощью технологий искусственного интеллекта способен извлечь из любого повествования всю фактическую информацию и предоставить ее в виде перечня тезисов – «реферата». Рассмотрим два возможных сценария последующих событий. В первом Даша не стала читать рассказ Брэдбери и ограничилась чтением реферата, созданного Нарраторефератором. Во втором Даша в последний момент передумала и вместо реферата все-таки прочитала сам рассказ. В обоих сценариях Даша после прочтения получила некое новое для себя знание. Знание, полученное в первом сценарии, мы обозначим как «реферативное»:

реферативное знание – это знание, полученное посредством восприятия множества пропозиций, входящих в состав нарратива.

Во втором сценарии знание, полученное посредством прочтения рассказа, согласно принятому нами ранее определению, является нарративным. Чем отличается нарративное знание от реферативного? Очевидно, что реферативное знание является исключительно пропозициональным. Поскольку Даша не хуже Нарраторефератора способна извлекать из повествования фактическую информацию, мы можем смело утверждать, что нарративное знание из второго сценария будет полностью включать в себя реферативное знание из первого сценария. Но будет ли оно включать в себя что-то еще помимо этого? Другими словами, есть ли в нарративном знании некий «нарративный бонус» помимо пропозиционального содержания? Введем последнее из необходимых нам определений:

нарративный бонус – это разница между нарративным знанием и реферативным знанием.

Автор мысленного эксперимента «Комната Мэри» задается вопросом: узнала ли Мэри, изучившая всю фактическую информацию о природе цвета, что-то новое, когда, однажды выйдя из своей черно-белой комнаты, впервые в жизни сама увидела красный цвет? В нашем

случае мы так же можем спросить: узнала ли Даша во втором сценарии что-то сверх того, что она узнала в первом? Иначе говоря, что содержится в нарративном бонусе? Оставшаяся часть статьи посвящена поиску возможных вариантов ответа на этот вопрос. Ответы будут разделены на четыре группы: радикальный редукционизм, умеренный редукционизм, умеренный антиредукционизм и радикальный антиредукционизм.

1. Радикальный редукционизм

Спектр возможных ответов на вопрос о содержании нарративного бонуса начинается с позиции радикального редукционизма. Согласно этой позиции, никакого нарративного бонуса попросту не существует и эпистемическое содержание любого нарратива может быть без остатка выражено через набор пропозиций. В рамках вышеупомянутой гипотетической истории это означает, что эпистемическое состояние Даши во втором сценарии будет неотличимо от первого.

Такая позиция была бы весьма убедительной, более того, чуть ли единственно возможной, если бы мы ограничили определение «знания» лишь пропозициональной установкой. Но это было бы слишком простым и неинтересным решением. Как было сказано выше, и в обыденном языке, и в аналитической эпистемологии знание понимается шире. В рамках такого расширенного определения знания радикальный редукционист будет утверждать, что хотя далеко не всякое знание сводится к пропозициональному, но нарративное тем не менее сводится.

2. Умеренный редукционизм

Более мягкая, умеренная версия редукционизма должна, с одной стороны, оставаться редукционистской, т. е. отрицать наличие знания в нарративном бонусе, но, с другой стороны, признавать некое качественное различие между нарративным и реферативным знанием. В контексте нашей истории это означает, что Даша, прочитав рассказ Брэдбери, не узнала ничего сверх того, что она узнала, прочитав реферат, притом что ее эпистемическое состояние после чтения рассказа все-таки чем-то отличается от ее состояния после чтения реферата. Другими словами, нарративное знание остается исключительно пропозициональным, нарративный бонус не содержит никакого дополнительного знания, однако содержит нечто, что влияет на получаемое знание, некий модификатор знания. Мы рассмотрим два возможных варианта. В первом варианте нарративный бонус является чем-то вроде «табеля о рангах»: он приписывает пропозициям степень важности для познающего субъекта. Во втором варианте нарративный бонус приписывает некоторым пропозициям повышенную степень правдоподобности.

Начнем с «табеля о рангах». Наше знание представляет собой не просто набор пропозиций, но некую структуру, элементы которой упорядочены по степени их важности. Например, знание даты рождения близкого друга для нас важнее, чем знание даты рождения коллеги по работе. Степень важности одного и того же фрагмента знания отличается не только для разных людей, но даже для одного и того же человека в разные периоды его жизни. В качестве подтверждения можно сослаться на исследования, в которых установлена корреляция между текущим психологическим состоянием человека и его «Я-нарративом»

(self-narrative). Человек в угнетенном состоянии склонен к тому, чтобы при описании истории своей жизни придавать большее значение негативным событиям: эти события представляются ему более протяженными по времени, приобретают причинно-следственную связь с другими негативными событиями и занимают центральное место в истории отношений с окружающими. При этом позитивные события представляются периферийными, случайными, кратковременными и не имеющими последствий [Finley, 2023, p. 235].

Искусственный интеллект нашего гипотетического Нарраторефератора может извлечь из нарратива все элементы информации, но он не может достоверно оценить, какое значение каждый из этих элементов будет иметь для читателя. В реферате рассказа Брэдли пропозиции «Тираннозавр весил десять тонн» и «Смерть бабочки изменила будущее» будут иметь одинаковый статус. Однако Даша, прочитав рассказ, не придаст никакого значения весу тираннозавра, но воспримет «эффект бабочки» как главную мысль рассказа. Разница в оценке важности двух указанных пропозиций обусловлена не их абстрактным содержанием, а местом в конкретном повествовании. Рассказ вводит читателя в специфическое психологическое состояние, в рамках которого усвоение информации происходит неравномерно: какая-то ее часть оказывается в центре внимания, а какая-то на периферии. Следовательно, нарративное знание, в отличие от реферативного, включает дополнительную расстановку приоритетов для каждой пропозиции. Таким образом, в рамках умеренного редукционизма содержанием нарративного бонуса может быть некий «табель о рангах» элементов повествования по степени их важности.

Перейдем ко второму варианту. В рамках умеренного редукционизма можно утверждать, что нарративное знание отличается от реферативного повышенной степенью правдоподобности некоторых элементов повествования. В этом случае нарратив выполняет роль аргументации, т. е. убеждает читателя в истинности пропозиций. Но здесь нужно сразу же сделать одно уточнение о природе этой аргументации. Следует помнить, что все пропозициональное содержание истории уже содержится в реферате. Следовательно, любые логические следствия, автоматически вытекающие из содержащихся в нарративе пропозиций, будут в равной степени присутствовать как в нарративном, так и в реферативном знании. Поэтому если причиной различия этих двух видов знания является некая аргументация, то она не может быть основанной на умозаключениях из посылок. Это должна быть не логическая аргументация, а некие иные средства убеждения – риторические, эмоциональные, художественные и т. п.

Но какое отношение нелогическая аргументация может иметь к знанию? Неотъемлемым свойством пропозиционального знания является вера или убежденность в истинности пропозиции. Даже если субъект S держит в уме пропозицию p и имеет основания полагать, что p истинна, однако при этом не испытывает достаточной внутренней уверенности в ее истинности, то мы не можем утверждать, что « S знает, что p ». Например, Даша наткнулась в реферате на пропозицию «Смерть бабочки изменила будущее». «Этого не может быть», – фыркнула Даша. Позже она нашла в реферате ряд пропозиций, которые могут служить обоснованием данного сомнительного утверждения: что-то про нарушение пищевой цепочки, приводящее к лавинообразным последствиям. Но этот аргумент показался ей недостаточным. В итоге, Даша знает содержание пропозиции и знает ее обоснование, но она не знает, что эта пропозиция истинна. Чтобы *знать*, что смерть

бабочки влияет на будущее, Даше нужно *поверить*, что смерть бабочки влияет на будущее. В этой ситуации вера оказывается последним недостающим условием существования знания. Поэтому любое воздействие, которое сможет пробудить в Даше уверенность в истинности пропозиции, послужит косвенной причиной возникновения знания. На степень внутренней уверенности влияют не только логические аргументы, но и иные способы убеждения, причем зачастую даже более эффективно. Поэтому при определенных обстоятельствах даже нелогическая, непропозициональная аргументация вполне может способствовать передаче знания.

Одним из таких – весьма эффективных – средств нелогического убеждения служат нарративы. Они располагают человека к принятию тех высказываний, которые были бы отвергнуты, будь они преподнесены в чистом виде или даже в сопровождении логических аргументов. Почему нарратив может убедить человека в том, в чем не может убедить логика? Позволю себе высказать некоторые предположения.

В рамках когнитивистской теории двойного процесса (dual-process theory) сознание человека функционирует на двух уровнях или в рамках двух разных систем [Kahneman, 2011]. К «Системе 1» относятся интуитивные, быстрые и неконтролируемые процессы мышления, а к «Системе 2» – аналитические, контролируемые, продолжительные и трудоемкие процессы. Процессы убеждения могут происходить в рамках как той, так и другой системы. Для убеждения посредством «Системы 2» нужны логика, факты и рассуждения. Для убеждения посредством «Системы 1» нужно задействовать эмоции, стереотипы, привычки, эстетические средства, социальные и культурные установки. В рамках данной теории можно смело утверждать, что чтение перечня пропозиций (реферата) преимущественно воздействует на Систему 2, в то время как нарратив оказывает значительное воздействие на Систему 1. И там, где Система 2 возводит препятствия познанию, их иногда можно обойти через Систему 1.

Логические рассуждения требуют четких определений и ясных умозаключений. Но зачастую мы, пытаясь донести свою мысль, оказываемся неспособны достичь необходимого уровня четкости и ясности и остаемся непонятыми. Иногда это связано с недостатком наших интеллектуальных способностей и потраченных усилий, а иногда мы имеем дело с нечеткими понятиями, и добиться желанной ясности в принципе невозможно. Возможна и обратная ситуация – наши рассуждения достаточно строги и последовательны, но слушатели в данный момент не готовы следовать трудоемким путем логических рассуждений (например, в случае обучения детей), и в результате мы снова не можем донести свою мысль. И тогда в обеих ситуациях нам на помощь приходят конкретные примеры, аллегории и метафоры, реальные или вымышленные истории, которые облегчают взаимопонимание. Проще говоря, если мы не можем поделиться знанием при помощи логики, мы можем достичь этого другими средствами – в частности, нарративными.

Конечно же, степень правдоподобности пропозиции в значительной мере зависит не от способа подачи, а от того, насколько ее содержание соответствует картине мира. Реферативное знание не является равномерно правдоподобным: какие-то его элементы кажутся не слишком надежными, слабо обоснованными, плохо совместимыми с картиной мира и вызывающими еле осязаемое чувство уверенности в их истинности.

Однако нарративная подача того же материала способна в значительной степени изменить расклад и усилить чувство уверенности в истинности каких-то отдельных пропозиций. В этом случае нарративное знание будет отличаться от реферативного альтернативными значениями правдоподобности некоторых пропозиций.

Подведем итог рассмотрению редукционистских подходов к нарративному знанию. Все версии редукционизма настаивают на том, что нарративный бонус не содержит никакого знания. Нарративное знание, как и реферативное, является исключительно пропозициональным. При этом в радикальном редукционизме нарративный бонус вообще ничего не содержит, а в умеренном редукционизме он содержит некий модификатор знания. Мы рассмотрели два возможных варианта такой модификации: «табель о рангах» элементов знания по степени важности и измененные значения правдоподобности для некоторых пропозиций. По-видимому, список возможных вариантов содержания нарративного бонуса в рамках умеренного редукционизма не исчерпывается двумя указанными пунктами, и раскрытие других вариантов может стать перспективной темой дальнейших исследований.

3. Умеренный антиредукционизм

Теперь перейдем к рассмотрению возможных антиредукционистских подходов к нарративному знанию. Суть антиредукционизма заключается в утверждении, что нарративный бонус содержит знание. Другими словами, истории передают нам некое знание, которое нельзя получить из реферата. Но является ли это бонусное знание пропозициональным или непропозициональным? Отвечая на этот вопрос, радикальная версия антиредукционизма (речь о которой пойдет в следующем разделе) идет до конца и настаивает, что это знание – непропозициональное. Однако умеренный антиредукционизм занимает промежуточную позицию и, подобно редукционизму, ограничивается лишь рассмотрением пропозиционального знания.

Итак, умеренный антиредукционизм утверждает, что нарративный бонус содержит пропозициональное знание. Но здесь возникает важное возражение: а откуда в нарративном знании возникли какие-то бонусные истинные пропозиции, которых нет в реферативном знании? Разве реферативное знание не имеет полного доступа к пропозициональному содержанию истории?

Для снятия этого возражения нам придется сделать поправку к изначальным определениям. Ранее мы определили реферативное знание как «знание, полученное посредством восприятия множества пропозиций, входящих в состав нарратива». При этом мы не уточнили, что значит для пропозиции «входить в состав нарратива». Ведь в нарративе содержатся не только те пропозиции, которые прописаны в тексте явным образом, но и те, которые не прописаны напрямую, но каким-то образом недвусмысленно вычитываются из истории. Например, в рассказе Брэдбери нигде прямым текстом не сказано, что будущее изменилось *из-за* смерти бабочки. Явным образом указано лишь то, что 1) бабочка погибла и 2) будущее изменилось. Вдобавок там указано мнение Экельса – главного героя рассказа – о том, что смерть бабочки *не может* вызвать таких последствий. Однако у читателя не остается никаких сомнений в том, что причиной изменения будущего стала именно смерть бабочки. Пропозиция «Смерть бабочки изменила будущее», безусловно, является ключевым содержанием рассказа, несмотря на то, что она ни разу не прописана явным образом.

Будет разумно предположить, что искусственный интеллект Нарраторефератора способен извлекать из нарратива только ту информацию, которая прописана явным образом. Например, Нарраторефератор обнаружит лишь хронологическую последовательность между «смертью бабочки» и «изменением будущего», но он не распознает причинно-следственной связи между событиями. Искусственный интеллект не допустит подмены *post hoc* (после этого) на *propter hoc* (вследствие этого). Тем не менее, история подразумевает наличие этой причинно-следственной связи, и читатель рассказа, в отличие от Нарраторефератора, улавливает ее. Нарративный способ передачи знания выполняет роль некоего секретного кода, который автоматически расшифровывается человеческим сознанием, но не поддается искусственному интеллекту. В реферативное знание могут попасть лишь те пропозиции, которые прописаны в явном виде, а все неявные пропозиции оказываются в нарративном бонусе.

Что представляет собой это неявное пропозициональное знание, которое передается посредством нарративов? Во-первых, как уже было сказано, истории устанавливают причинно-следственную связь между происходящими с героем последовательными событиями. Раз уж автор истории включил некое событие в свое повествование, то мы понимаем, что это сделано намеренно, и данное событие в рамках истории происходит не просто так. Ранее были упомянуты исследования того, как депрессивные пациенты структурируют свой «Я-нарратив»: наполняя автобиографию негативными событиями, они тем самым создают и распространяют особую картину мира, где плохое является закономерным, а хорошее случайным. В отличие от реферата, нарративная форма подачи информации подразумевает наличие причинно-следственных связей между ее элементами и может быть использована для неявной передачи знания об этих связях.

Во-вторых, истории содержат неявные выводы от частного к общему. Например, в рассказе Брэдбери описан эпизод из жизни главного героя, Экельса, где тот потерял самообладание при нападении гигантского тираннозавра. И мы, прочитав рассказ, узнаем, что Экельс – трус. Казалось бы, нам не следует делать столь поспешных выводов, ведь это был всего лишь один-единственный случай, да и кто бы не дрогнул перед таким чудовищем. Тем не менее, ограниченные рамки истории и катастрофические последствия поступка Экельса, в бегстве растоптавшего бабочку, принуждают нас к тому, чтобы вынести вердикт о его характере по одному поступку. Если бы мы прочитали об этом событии в реферате: «Однажды Экельс испытал страх при встрече с динозавром и убежал», – то мы бы решили, что слишком мало знаем об Экельсе, чтобы делать обобщения. Следовательно, реферативное знание не будет содержать пропозицию «Экельс – трус». Однако в замкнутом пространстве нарратива трусость Экельса – это единственная показанная нам черта его характера, и мы не можем узнать о нем ничего другого. Если бы автор счел необходимым сообщить нам что-то еще, он бы это сделал. Нарратив задает пределы актуальной информации, и все, что выходит за его рамки, представляется нерелевантным. В отличие от чтения реферата, при восприятии нарратива вывод от частного к общему является вполне надежным.

Таким образом, в умеренном антиредукционизме нарративный бонус может содержать пропозициональное знание, передаваемое в нарративе в неявном виде. Например, это может быть знание причинно-следственных связей, представленное под видом хронологии событий, либо знание общих суждений, представленное под видом частных случаев. Наверное, существуют и другие варианты, но для раскрытия сути умеренного антиредукционизма данных двух примеров, я полагаю, вполне достаточно.

4. Радикальный антиредукционизм

Итак, мы достигли конечной точки нашего спектра – позиции радикального антиредукционизма. В отличие от всех предыдущих вариантов, здесь речь пойдет о непропозициональном знании. Таким знанием являются те эпистемические состояния, которые, с одной стороны, называются «знанием» в обыденном языке (возможно, при некоторых интуитивно очевидных исключениях), но, с другой стороны, не могут быть описаны стандартной формулой « S знает, что p ». Поскольку реферативное знание может быть только пропозициональным, то все непропозициональное знание, передаваемое в нарративе, оказывается содержанием нарративного бонуса.

Для начала перечислим обсуждаемые в эпистемологической литературе виды непропозиционального знания вне контекста нарративной проблематики. Наиболее известным в аналитической философии является связанное с именем Бертрانا Рассела «знание-знакомство» [Russell, 1910]. Мы можем знать соседа, звучание саксофона и творчество Брэдбери вне зависимости от тех фактов, которые мы знаем о них. Это знание возникает не через описание объекта с помощью пропозиций, а из личного опыта непосредственного восприятия объекта. Еще одна авторитетная для аналитиков разновидность непропозиционального знания – это «знание как» (ноу-хау или процедурное знание), введенное в оборот Гилбертом Райлом [Ryle, 1949]. Знание как отправить противника в нокаут, как исполнить Лунную сонату или испечь вкусные блины не может быть выражено пропозициями и должно быть вынесено в отдельную категорию. Некой обобщенной версией «знания как» является практическая мудрость (фронесис) – знание того, как наилучшим образом поступать в различных обстоятельствах, [Rowe, 2009, p. 383]. В последнее время активно обсуждается «знание личностей» [Stump, 2010, ch. 4], которое, в отличие от «знания-знакомства», подразумевает личные отношения и глубокое понимание другой личности. Хорошей иллюстрацией такого знания будет ситуация, когда мы говорим: «Я его знаю, он бы так не поступил». Также к непропозициональному знанию относят практическое знание различных «перспектив» [Young, 2001, pp. 67-70, 95], т. е. знание того, каково оно быть кем-то или находиться в конкретной ситуации: быть влюбленным, испытывать зубную боль, жить в одиночестве. Обычно такое знание приобретается либо на собственном опыте, либо посредством эмпатии [Rowe, 2009, p. 383]. Некоторые исследователи считают непропозициональным знание причин и общее понимание устройства мира [Grimm, 2011; Zagzebski, 2001, p. 242]. Наконец, стоит упомянуть эстетически значимое знание [Kajtár, 2016] и знание возможных способов переосмысления ситуаций [Rowe, 2009, p. 384].

В рамках данной работы нет необходимости обсуждать, является ли все вышеперечисленное примерами знания и не сводятся ли какие-то из них к пропозициональному. В рамках радикального антиредукционизма нам достаточно указать на то, что существует много разных видов непропозиционального знания. И коль скоро нарративное знание должно содержать некое знание, выходящее за рамки реферативного, т. е. пропозиционального, то можно резонно утверждать, что этим нарративным бонусом будет какое-то непропозициональное знание. Тем не менее я полагаю, что напоследок будет нелишним разобраться в том, какие из вышеперечисленных видов непропозиционального знания могут быть содержанием нарративного бонуса, а какие нет.

Первый кандидат в нашем списке – «знание-знакомство» – нам не подходит по определению. Такое знание возникает только при личном опыте восприятия объекта и не может быть получено из рассказа о нем. Единственным исключением является знание-знакомство с самим нарративом. Безусловно, оно входит в нарративный бонус, но такое решение задачи, несмотря на его корректность, выглядит банальным и нерелевантным. Следующий кандидат – «знание как», – на мой взгляд, тоже не подходит. Казалось бы, «знание как», в отличие от «знания-знакомства», может передаваться посредством нарратива, по крайней мере, в некоторых случаях: мы не сможем узнать из нарратива, как исполнить Лунную сонату, но можем узнать, как найти Полярную звезду. Тем не менее, все содержание «знания как», которое может быть передано в нарративе, сводится до перечня инструкций, т. е. набора пропозиций. Следовательно, «знание как» в равной степени будет содержаться как в нарративном, так и в реферативном знании, поэтому оно не входит в нарративный бонус. Исключением является обобщенная разновидность «знания как» – практическая мудрость. В отличие от конкретных ноу-хау, знание того, как наилучшим образом поступать в любых обстоятельствах, не сводится к набору инструкций. Истории учат нас мудрости, и эта мудрость может быть содержанием нарративного бонуса.

На мой взгляд, самыми лучшими кандидатами на роль нарративного бонуса являются знание личностей и знание перспектив. Истории позволяют нам настолько глубоко узнать их героев, как если бы мы имели с ними тесные личные отношения. Некоторых персонажей историй мы знаем намного лучше, чем окружающих нас людей. Мы знаем неуловимые пропозициями особенности их характера, их переживания. Мы не просто что-то знаем *про* них, мы знаем их самих, причем как близких друзей. То же самое можно сказать и про знание перспектив: благодаря историям мы можем почувствовать себя «в шкуре» персонажа, испытать на себе те же переживания, вместе с ним принять его решения и ответственность за них. Мы узнаем, каково это быть им и оказаться в его положении, как если бы пережили это сами, либо посредством эмпатии восприняли переживания окружающих нас людей. Лично для меня наибольшая ценность историй как раз заключается в уникальной возможности получения нового опыта и глубокого погружения в личность другого человека. Такое знание невозможно получить из перечня пропозиций.

Оставшиеся из вышеперечисленных вариантов непропозиционального знания также могут быть содержанием нарративного бонуса. Кажется, что нарратив может создать в нашем сознании целостную альтернативную картину мира и новое понимание причин, которые не будут исчерпываться перечислением фактов. В рамках этой новой картины мира мы научимся по-новому переосмысливать знакомые ситуации и сформируем новую систему ценностей, позволяющую узнавать красоту там, где раньше мы ее не замечали. Я полагаю, что возможности нарратива передавать непропозициональное знание не исчерпываются перечисленными вариантами, однако для раскрытия позиции радикального антиредукционизма их более чем достаточно.

Заключение

Итак, мы рассмотрели четыре возможных подхода к анализу содержания нарративного знания. Конечно же, говоря о нарративах, хотелось бы затронуть не только вопрос о передаче знания, но учесть более широкую эпистемологическую проблематику:

формирование убеждений, сомнение, обоснование мнений, ошибочные суждения, веру, надежду, желания, этику убеждений и многое другое. А еще можно было бы выйти за рамки эпистемологии и подключить теории из психологии и культурологии, поговорить об искусстве, социальных связях, ценностях и метанарративах. При этом я надеюсь, что предложенная в данной статье классификация, несмотря на ее ограниченность, может стать удобным инструментом для ведения дальнейших дискуссий о природе нарратива.

Список литературы / References

Finley, K. (2023). Narratives & Spiritual Meaning-making in Mental Disorder. *International Journal for Philosophy of Religion*. Vol. 94. No. 7. Pp. 233-256. DOI: 10.1007/s11153-023-09879-w

Gettier, E.L. (1963). Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*. Vol. 23. No. 6. Pp. 121-123. DOI: 10.1093/analys/23.6.121

Grimm, S. (2006). Is Understanding a Species of Knowledge? *British Journal for the Philosophy of Science*. Vol. 57. No. 3. Pp. 515-535. DOI: 10.1093/bjps/axl015

Jackson, F. (1986). What Mary Didn't Know. *Journal of Philosophy*. Vol. 83. No. 5. Pp. 291-295. DOI: 10.2307/2026143

Kahneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. NY. Farrar, Strauss, & Giroux.

Kajtár, L. (2016). What Mary Didn't Read. *Ratio*. Vol. 29. No. 3. Pp. 327-343. DOI: 10.1111/rati.12098

Rowe, M. W. (2009). Literature, Knowledge, and the Aesthetic Attitude. *Ratio*. Vol. 22. No. 4. Pp. 375-397. DOI: 10.1111/j.1467-9329.2009.00441.x

Russell, B. (1910). Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 11. Pp. 108-128.

Ryle, G. (1949). *The Concept of Mind*. Chicago. University of Chicago Press.

Stump, E. (2010). *Wandering in Darkness. Narrative and the Problem of Suffering*. Oxford. Oxford University Press.

Young, J. O. (2001). *Art and Knowledge*. NY. Routledge.

Zagzebski, L. T. (2001). Recovering Understanding. In Steup, M. (ed.). *Knowledge, Truth and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility and Virtue*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 236-252. DOI: 10.1093/0195128923.001.0001

Сведения об авторе / Information about the author

Бутаков Павел Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: pavelbutakov@academ.org, <http://orcid.org/0000-0001-8133-1626>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 25.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Butakov Pavel – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: pavelbutakov@academ.org, <http://orcid.org/0000-0001-8133-1626>.

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 25.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024